

И.Н. Розанов

Пушкинская плеяда

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
И11

И11 **И.Н. Розанов**
Пушкинская плеяда / И.Н. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 74 с.

ISBN 978-5-458-37905-2

И. Н. Розанов. Пушкинская плеяда.

Москва, 1923. Задруга.

ISBN 978-5-458-37905-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По отношению к центральной фигуре эпохи — Пушкину, первый период был временем расцвета прижизненной пушкинской славы; второй — характеризуется заметным охлаждением к нему и поисками новых кумиров.

Водоразделом этих двух периодов можно считать — условно же — 1830-й год, когда у Пушкина вырывается горькое, но гордое признание:

Поэт, не дорожи любовью народной:
Восторженных похвал пройдет минутный шум...

Первый период — медовый месяц русской поэзии. В это время на литературное поприще выступало исключительно богатое поэтическими дарованиями пушкинское поколение.

Три главных представителя этого поколения: Пушкин, Боратынский и Тютчев являются величайшими мастерами русского стиха, во многих отношениях не превзойденными. И тот, кто хочет проникнуть в тайны словесной инструментровки, тайны ритма, гармонии и выразительности, — должен изучать их произведения строчку за строчкой, эпитет за эпитетом.

Но значение этих великих русских поэтов не ограничивается, конечно, достоинствами их стихотворной техники: чем больше проходит времени, тем глубже становится и понимание их поэзии, тем выше оценка их лирического, идейного и философского значения.

Это — вершины, но в этой горной цепи и средний уровень стихотворческой техники необычайно высок. Юр. Верховский склонен признать «подлинность всей тогдашней поэзии — в проявлениях крупных и мелких — одинаково».

«Не пишет ли тогда третьестепенный, незаметный поэт превосходными стихами?» — восклицает он. «Не чувствуете ли вы классической стройности и законченности в самых мелких поэтических безделушках 20-х—30-х годов?»

Согласно с нашим делением пушкинской эпохи на два периода, нам трудно согласиться с таким суммированием двадцатых и тридцатых годов: сказанное Юр. Верховским можно относить только к двадцатым.

«Пушкинскую плеяду» не следует смешивать ни с «пушкинской школой» ни с «поэтами пушкинской поры».

Майков принадлежал к пушкинской школе, но не к поре и не к плеяде.

Школа — это последователи, эпигоны, ученики. Поэты пушкинской плеяды — не ученики Пушкина, не те, кто, по выражению одного критика, затеплили свои свечечки от пушкинского огня, а его соратники, вместе с ним выступавшие и боровшиеся за те же поэтические достижения. Пушкин только лучший певец из этого хора, но не дирижер. Дарования эти складывались рядом с Пушкиным, находясь в тех же литературных условиях, питаясь теми же влияниями. Влияние самого Пушкина на них несущественно?»

Козлов и Полежаев могут быть названы поэтами пушкинской поры, но нам кажется неправильным, хотя это часто делается, относить их к «плеяде». Первый — самый крупный представитель школы Жуковского, второй — непосредственный предтеча Лермонтова. Если пушкинская техника отразилась на их стихах, то то же можно сказать и о Жуковском 30-х годов: проживи Державин еще лет десять, и он, возможно, не избежал бы этого всепроникающего влияния.

Не следует относить к пушкинской плеяде и Дениса Давыдова: некоторые из лучших его произведений были уже написаны им, когда Пушкину было всего четыре года.

По тем же основаниям, как Козлов, должен быть исключен из плеяды и Федор Глинка¹.

Из поэтов, остановившихся на полдороге между Жуковским, Батюшковым и Пушкиным, только тех можно относить к пушкинской плеяде, которые ближе к великому поэту по возрасту, напр., Плетнев и Катенин; последнего, впрочем, с оговоркой.

II.

Под пушкинской плеядой, в тесном смысле, надо понимать нескольких поэтов, тесно связанных с Пушкиным не только единством взглядов на задачи поэзии, но и личной дружбой и взаимным уважением.

Сюда относятся, прежде всего, двое остальных из поэтического триумvirата: Дельвиг и Боратынский. Потом Плетнев, приятель их и Пушкина. По смерти Дельвига, Пушкин писал Плетневу: «считай, сколько осталось: Боратынский, ты и я...» Несколько дальше стоял от них Языков, но его, как крупную поэтическую силу, охотно признали своим перечисленные нами поэты. Пушкин, как известно, подружился с ним в Тригорском. Сюда же надо причислить и Вяземского, в обращении к которому, уже после смерти Пушкина, Боратынский употребил выражение: «звезда разрозненной Плеяды».

Слово «плеяда» для обозначения поэтов — ближайших друзей Пушкина — было употребительно уже в 30-х годах. Из них ближе всех к великому поэту был, конечно, «брат названный» Дельвиг. В их дружеских отношениях было много нежности, проявлявшейся, с точки зрения нашего времени, несколько странно. Керн была свидетельницей, как однажды Пушкин и Дельвиг целовали друг другу руки. После смерти Дельвига, самым близким человеком Пушкина в Петербурге стал Плетнев. Оба — и Дельвиг и Плетнев — благоговели перед гением своего друга.

У Боратынского было и некоторое соревнование с великим поэтом. С Вяземским — Пушкин сам любил вступать в состязание, любил, подражая, превзойти; на нем Пушкин пробовал свои силы; из ученика (в молодости он ценил Вяземского, как поэта) легко делался его учителем. Наконец, на Языкова возлагал он в 20-х годах особенные надежды. О нем писал он в 1826 году Вяземскому: «Ты изумишься, как он вернулся и что из него будет. Если уж завидывать, то вот кому я должен бы завидывать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет».

Только Плетнева никто, ни тем более он сам, воплощенная скромность, не считал крупным поэтом. Но по своим дружеским привязанностям и верности духу плеяды, он был неотделим от Пушкина, Дельвига, Боратынского. Стихи их он не только любил, но и изучал: знал «до малейшего оттенка всякий в них эпитет или другое что».

В этой атмосфере царил культ стиха. Здесь не нужно было доказывать, и так было всем ясно, что тот, кто хочет стихами выразить идею, которую он почему-либо считает ценной, или излить свои добрые чувства, и в то же время неспособен любоваться самым сочетанием слов, упиваться звуками стихотворной речи, — тот напрасно злоупотребляет стихотворной формой.

Из них Вяземский от природы был, может быть, менее наделен музыкальной восприимчивостью, чем остальные, но и он с детства зачитывался преискурантами виноторговцев, лаская свой слух благозвучными названиями, вроде *Lacrima-Christi*. Дельвиг же обладал недурным голосом и сам, аккомпанируя себе на рояле, пел свои романсы. «Вдохновенное» чтение стихов Языкова навсегда оставалось в памяти у слушателей.

¹ Козлов, Ф. Глинка, Д. Давыдов, Гнедич были рассмотрены нами в книге, посвященной предшественникам Пушкина, «Русская Лирика», 1914, изд. «Задруги».

У нас есть ряд доказательств, что поэты пушкинской плеяды: Дельвиг, Плетнев, Языков, как и сам Пушкин, читали стихи несколько нараспев, сближая их, таким образом, с «песнями». Другая манера чтения, широко распространившаяся впоследствии, — декламационная, введена была в моду артистами, т.е. людьми, для которых поэзия была делом посторонним.

Не было тогда, или почти не было, и профессиональных критиков, которые ни в какой степени сами не владея стихотворной формой, с ученым видом знатока изрекали бы приговоры над стихами поэтов. За критику брались поэты же, из плеяды, больше всего Вяземский и Плетнев, зятем Пушкин и Дельвиг, реже Боратынский. Все они, кроме Боратынского, чувствовали также склонность к журналистике. Только Языков чуждался всего этого, желая быть исключительно поэтом и никем больше.

Вяземский принимал близкое участие в «Московском Телеграфе», Пушкин — в «Московском Вестнике». Дельвиг был издателем собственного журнала «Литературная Газета»; пушкинский «Современник», после его смерти, перешел к группе его друзей, а потом единолично к Плетневу.

Большое значение в жизни плеяды имели и альманахи 20-х годов, особенно «Северные Цветы», издаваемые ежегодно Дельвигом, начиная с 1825 года. Последняя книжка, уже после смерти барона, издана была в 1832 г. Пушкиным.

По свойству темперамента и обстоятельствам жизни — не Пушкин, а Дельвиг был средоточием и цементом названной группы. Авторитет его, как тонкого и чуткого ценителя поэзии, стоял очень высоко. И не мудрено: первыми своими шагами на поэтическом поприще и Боратынский и Плетнев считали себя обязанными Дельвигу. Ему же одному выпало на долю счастье знать Пушкина с детства и с детства делиться с ним поэтическими помыслами.

Когда Дельвиг умер, и связи между некоторыми его друзьями стали распадаться. Между Пушкиным и Боратынским заметно стало охлаждение.

Если Дельвиг — сосредоточие поэтов пушкинской плеяды, то Вяземский ее периферия. Этому соответствует и разница в их долголетьи: Дельвиг умер 32 лет, Вяземский — 86 лет. По степени лиризма, по внешней отделке стиха он уступает трем главнейшим представителям пушкинской плеяды, но по тому положению, которое он, «фельдмаршал русского ума» — выражение Тютчева — занимал среди других поэтов, по резкому своеобразию поэтической физиономии, — в истории плеяды ему надо отвести одно из первых мест.

Что касается Языкова, то никто из поэтов пушкинской плеяды, даже сам Боратынский, не имел такого шумного, широкого успеха, как Языков в молодости, этот «князь русского стиха». Стих его, разгульный и звонкий, поразил даже в ту эпоху, когда публика избалована была хорошими стихами.

Недавно ¹ была выдвинута классификация лириков на три основных типа: пластический (Дельвиг), музыкальный (Языков) и рефлекторный (Боратынский, Вяземский).

Современники Пушкина не нуждались в такой классификации. Для них существовала только старая и новая поэтическая школа. Новая носила название романтической... Во главе ее, если не считать хронологического первенства Жуковского, стояли Пушкин, Боратынский, Дельвиг, Языков. Всех их в двадцатые годы, в эпоху наиболее ожесточенных споров за и против романтизма, считали главными нашими романтиками. На них металась грома и молнии и писались ядовитые пародии в органах литературных староверов.

¹ Юр. Верховский. См. «Труды и дни». Сообщения Ю. Верховского и возражения ему. Так же вступит. статья в книге «Поэты пушкин. поры».

Главные упреки были те же, какие обычно раздаются по адресу всяких поэтических новаторов: «это безвкусица! Разве это поэзия? Это — непонятно. Это — даже безнравственно!»

Такими возгласами встречены были в недавнее время и Бальмонт с Брюсовым и Блок и Маяковский.

Староверы двадцатых годов возмущались «сплетением противоречивых понятий», напр., «беспокойство, тихих дум», «говорящее молчание», «веющий сон», «знакомый незнакомец», или, напр., в стихах

И мне сиял он неизменно
В моих изменчивых мечтах.

Между тем этот прием узаконен был еще в древности и носит в теориях словесности особое название — «оксюморон». В наше время им особенно охотно пользуется Анна Ахматова, никаких ужасов ни в ком не возбуждая.

Смотри: ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

В стихах Пушкина и его соратников (особенно нападали на Дельвига и Боратынского... Языков выступил на литературное поприще несколько позже, когда почти все стрелы были уже разметаны и колчаны врагов опустели) — в их стихах считали недопустимыми такие банальные теперь для нас эпитеты, как «сладкий трепет», «жизнь молодая». Если можно назвать трепет сладким, — острил один критик, — то почему не сказать «кислый трепет». «Руслан и Людмила» признано было произведением, оскорбляющим нравственность (отзыв маститого И. И. Дмитриева) и по грубой простонародности некоторых выражений, стоящих вне пределов искусства (мнение Каченовского)... В стихах Пушкина, Боратынского, Дельвига вылавливались отдельные, особенно непривычные выражения и писались пародии, не столь, может быть, талантливые, как у Измайлова и Влад. Соловьева на символистов, но все же занятные. В стихотворении «Домик» Дельвиг говорит о домике над рекой, где отвел скромный приют «мечтам и безделью».

Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов,
И древних дубов
В тени молчаливой,
Где струйкой игривой,
Сверкая, бежит,
Бежит, и журчит
Ручей пограничный —
Заботой привычной
Порхать и летать
И песнию сладкой
В мой домик украдкой
Друзей прикликать.

В другом стихотворении Дельвига мы находим сожаление:

Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теньям не отбыл я.

Один из критиков разразился стихами, где отметил курсивом все выражения, заимствованные из самоновейших поэтов

Не постигал невежда я,
Как можно, дав уму свободу,
Любви порхать по огороду,
Пить слезы в чаше бытия!..
Очей, увлажненных желаньем,
Певца Гетер, у люльки Рок —
Уста, кипящие лобзаньем,
Я, как шарад, понять не мог ¹.

«Кривые толки, шум и брань» — необходимая принадлежность всякой истинной славы. Пушкинскую плеяду они не смущали. Она сама себя утверждала и в отзывах единомышленников и в быстро растущих симпатиях литературной молодежи... Всё свежее и талантливое льнуло к Пушкину и его друзьям. Восторженные похвалы заглушали недоуменное шипение «зоилов». Четыре первых поэмы Пушкина, кончая «Цыганами», «Эда» и «Пир» Боратынского, первое собрание стихотворений Пушкина в 1826 г. и Боратынского в 1827 г., хмельные песни Языкова, еще не собранные тогда воедино и появлявшиеся в журналах и альманахах, поэма Подолинского «Див и Пери» (1827 г.) — вот главные триумфы новой школы, превозносимые дружеской критикой, иногда выше мер. Плетнев в «Северных Цветах», на 1825 год, прямо заявил, что начался «золотой век» в русской литературе. Он делает смотр всем молодым поэтам и особенно молодым надеждам новой школы, юным силам... Сочувственное слово находит он не только для таких второстепенных поэтов, как Вас. Туманек и Кюхельбекер, он одобряет и таких, которые теперь совершенно и не вполне справедливо забыты, напр., Александра Крылова и Михаила Дмитриева. У первого он находит «свежую красоту», «истинные чувства, оригинальный слог и верный вкус». «Он идет собственной дорогой», но он очень мало и редко пишет. О втором говорит: «Верность вкуса, легкость стихосложения, благородные движения души и тихая мечтательность составляют характер поэзии Дмитриева Михаила».

Как он, так и многие другие его современники полагали, что Боратынский, Дельвиг, Языков, вместе с Пушкиным, разделяют «славу первоклассных поэтов». Иногда ставился даже вопрос, кто выше: Пушкин или Боратынский (Плаксин в 1829 г.). Подолинский, слава которого шла не возрастая, а угасая, так как первая его вещь, поэма «Див и Пери», имела и наибольший успех, одно время был в большой моде. Один из его поклонников совершенно искренно писал, что теперь учиться писать стихи надо не у Жуковского или Пушкина, а у Подолинского. Замечательно, что все эти пять крупнейших портов 20-х годов совсем не знали периода подготовительного, периода неудач в упорной борьбе за славу. Как Пушкин, так и другие, с первых же шагов обратили на себя внимание и поставлены в первые ряды. Очевидно, почва была так хорошо подготовлена, атмосфера для развития талантов так благоприятна, что сразу могли появляться

¹ «Благонамеренный», 1823 г.

поэты-мастера. «Уже в 1817 году, — пишет один исследователь, — оканчивая Лицей, Дельвиг, девятнадцатилетний юноша, был не учеником, не начинающим поэтом, а законченным мастером-поэтом, мастером стиха, оригинальным и крупным поэтом, выразившим свою творческую индивидуальность в художественно законченной и совершенной форме». То же самое можно сказать, да и не раз отмечалось, и относительно других. Расплаты за столь быструю славу пришли позднее, в 30-е годы.

Кличка «романтиков» с них потом соскочила, когда пришла другая волна, и появились такие ультраромантники, что прежние, в сравнении с ними, стали казаться классиками. Эти термины вообще имеют только историческое значение. Необходимо отметить, что и те из молодежи, кто вел полемику с романтиками, сами не были совсем чужды этого духа времени. Ни Катенин ни Мих. Дмитриев не были действительно «классиками», хотя одно время и прослыли за таковых... Это были, скорее, полуромантики. И спор между теми и другими представителями их поколения шел, в сущности, лишь об оттенках и степени преемлемого для них романтизма.

Другое дело старики, как И. Дмитриев или Каченовский, которые по всему своему складу, воспитанию и привычкам были глухи и невосприимчивы к новой литературной религии.

Вся же молодежь, в большей или меньшей степени, была с Пушкиным и его друзьями.

III.

К пушкинской плеяде, в широком смысле, можно отнести почти всех поэтов, близких к нему по годам рождения, т.е. родившихся в последнее десятилетие XVIII в. и в первые годы XIX в.

Принадлежность к одному и тому же поколению и на приемы творчества всегда накладывает свой отпечаток. С большинством из них Пушкин был хорошо знаком, со многими был приятелем и на ты, напр., с Катениным, Вас. Туманским, Тепляковым, писал сочувственные рецензии на сборники их стихов и т. д., но все же поэты эти не причислялись к группе избранных. Из лицейских товарищей таковы были Кюхельбекер и Илличевский.

Затем шли приятели приятелей Пушкина. У каждого из главных представителей плеяды было по поэту-спутнику, находившемуся под их влиянием: у Боратынского — Коншин, у Плетнева — рано умерший А. Крылов, у Дельвига — фанатический его поклонник Деларю. У Вяземского был не друг, а враг, его постоянный полемический антагонист, Мих. Дмитриев, племянник старика баснописца Ив. Ив. Дмитриева. Нападая на романтиков, на Пушкина и его друзей, Мих. Дмитриев, тем не менее, у них учился писать стихи.

Гораздо интереснее всех этих мелких поэтов были Рылеев, выпустивший в 1825 г. свои «Думы» и «Войнаровского», Подолинский, первая поэма которого «Див и Пери» в 1827 г. имела шумный успех, и в том же 1827 г. умерший высоко одаренный юноша-поэт Веневитинов. Он доводился Пушкину дальним родственником.

Назовем еще Федора Туманского, автора знаменитой «Птички»; Ознобишина, приятеля Языкова; Шишкова 2-го, кому Пушкин посвятил стихотворение, с непонятным для нас, чересчур лестным отзывом. Только немногих из поэтов пушкинского поколения нет оснований причислять к плеяде. Таков, напр., Тютчев. Если Полежаев был предтечей близкого будущего и с Лермонтовым связан теснее, чем с Пушкиным, то Тютчев явился предтечей будущего отдаленного. В двадцатые годы — когда пушкинская плеяда была в славе и почете, стихи Тютчева — даже такие, как «Люблю грозу в начале мая» или «Еще в полях белеет снег» — проходили незамеченными. В 1836 г. в

пушкинском «Современнике» был помещен ряд стихотворений Тютчева. Но это еще не сделало его поэтом пушкинской плеяды и не доставило ему славы. Слава пришла к нему позже, в 50-ых годах. А особенно превознесен он был в эпоху символизма. Сначала Влад. Соловьев в 1895 г. сравнил его с Гете, а потом Бальмонт провозгласил его родоначальником русского символизма и сделал противоположение его художественных приемов — пушкинским.

Что касается до художественных приемов, характерных для пушкинской плеяды, то нам кажется, уместнее говорит об этом в заключительной статье, а не во вступительной.

Скажем только, что поэты пушкинской плеяды или пушкинского поколения, что в нашем представлении почти совпадает, даже второстепенные — имеют особый отпечаток, выгодно отличающий их от поэтов последующего поколения. «Цель поэзии — сама поэзия», говорил Пушкин, и это, в большей или меньшей степени, было общим убеждением его поколения. Совершенство словесного воплощения стоит на первом плане, потому что без счастливо найденных слов не может быть в поэзии и великих мыслей. Самым характерным признаком этой поэзии, свойственным и заурядным поэтам, является «изящное чувство меры».

Отсутствие погони за эффектами, художественное самообладание, точность выражений — все это, конечно, в большей или меньшей степени, смотря по размеру дарований — вот черты той благородной простоты, которая присуща большинству лучших поэтов двадцатых годов.

Этому соответствует душевное здоровье, ясность мирозерцания, трезвость ума при цельности чувства, отсутствие надломленности, надрывов, лирической истерики.

Душевная раздвоенность, вечная неудовлетворенность, смута одних желаний — неосознанных, напряженность осознанных — характерные черты поэтов следующего поколения, лермонтовского.

Сам Лермонтов, как и сам Пушкин, уже в силу своей гениальности менее типичны для своих поколений. У Пушкина есть задатки настроений, характерных для лермонтовских поэтов, у Лермонтова гораздо больше общего с пушкинской плеядой, чем у других его сверстников.

Но вот наглядный пример разницы двух поколений.

Белинский приводил стихотворение своего сверстника Ключникова «Я не люблю тебя», как особенно характерное для настроения людей своего времени.

Я не люблю тебя. Мне суждено судьбою,
Не полюбивши, разлюбить.
Я не люблю тебя: больной моей душою
Я никого не буду здесь любить.
О, не кляни меня! Я обманул природу,
Тебя, себя, когда в волшебный миг
Я сердце праздное и бедную свободу
Поверг в слезах у милых ног твоих.
Я не люблю тебя; но, полюбив другую,
Я презирал бы горько сам себя,
И, как безумный, я и плачу и тоскую,
И все о том, что не люблю тебя!

Такая раздвоенность была бы совершенно немислимой в поэзии любого из поэтов пушкинской плеяды. «Эта пьеса, — замечает Белинский, — за несколько лет перед

тем казалась бы даже бессмысленной, а теперь для многих слишком знаменательна... У всякой эпохи свой характер».

У многих из поэтов, появившихся в 30-х годах, «романтические порывы к чрезмерному» не раз нарушают характерное для 20-х «чувство меры» (Полежаев, Якубович и др., особенно Бенедиктов и Бернет). Стройность композиции, удачная архитектоника, изящная простота выражений — в глазах многих постепенно теряют цену. Притупившиеся нервы требуют чего-то особенного, поражающего. На этой почве вырастает сверхчеловечество Лермонтова и — в прозе — гиперболизм Гоголя. Но эти гении, истолкование которых является главной заслугой Белинского, сильны были своим влиянием на последующую литературу — 40-х годов. Для 30-х годов более типичны не они, а Кукольник и Бенедиктов.

IV.

Пушкинская плеяда закатилась одновременно — около 1830 г.

Подолинский, за свои последующие поэмы «Борский» и «Нищий», был развенчан самой плеядой в лице Дельвига, написавшего о них отрицательную рецензию. Сам Дельвиг несколько запоздал со сборником своих стихов, которые он издал только в 1829 г., когда уже началось охлаждение к плеяде... Издай он десятью годами раньше — а у него было такое намерение — и успех книги был бы гораздо значительнее.

Боратынского хвалили до «Наложницы», появившейся в 1830 г. С тех пор прежние хвалители стали заявлять, что он исписался. Булгарин даже каялся в прежней высокой оценке, какую он давал Боратынскому. В 30-е годы он хулил и Пушкина и Боратынского, а когда Пушкин умер, покойника стал превозносить, стараясь при этом унижить живого Боратынского. Недаром Боратынский не ценил хвалы, сложенной вчерашним зоилом, «уже кадящим мертвецу, чтобы живых задеть кадиллом».

Неуспех «Полтавы» (1829) и VII гл. «Евг. Онегина» (1830) был неожиданностью для автора. «Полтава, — писал Пушкин, — не имела успеха. Может быть, она его не стоила, но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим, произведениям».

«При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались о ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали шесть частей одного и того же сочинения, странно мне было читать неумеренную брань».

«Тридцатым годом, — писал Белинский, — кончился, или, лучше сказать, внезапно оборвался период пушкинский, т.-к. кончился и сам Пушкин, а вместе с ним и его влияние; с тех пор почти ни одного бывшего звука не сорвалось с его лиры. Его сотрудники, его товарищи по художественной деятельности допевали свои старые песни, свои обычные мечты, но уже никто не слушал их. Старинка приелась и набила оскомину, а нового от них нечего было услышать»...

Со смертью Дельвига (1831 г.) кончилась светлая пора в литературной деятельности поэтов этого поколения, пора славы и литературного шума; 1830-е годы принесли деятелям блестящей плеяды гораздо больше терний, чем лавров. У публики появились новые вкусы, новые моды, новые любимцы. Байроническая струя, временная и не существенная у Пушкина, бурным потоком разлилась в русской поэзии. У вновь появляющихся поэтов были признаки душевного надрыва. Душевная тревога стала казаться привлекательнее душевной ясности. Успех Полежаева был уже характерным симптомом. Этого поэта приветствовал Белинский, но довольно равнодушно отнеслись поэты плеяды. Пушкин, хотя при жизни его вышло несколько книг стихов

Полежаева, ни разу нигде о нем не упоминает, а Плетнев находил, что Полежаев «мог бы сделаться поэтом в том смысле, как мы понимаем искусство», но для этого нужно было бы его «живые, оригинальные и резкие идеи» выражать «крепким, точным, пропорциональным стихом».

Еще зловещее был другой симптом: необычайный — такого не имел и Пушкин — успех Бенедиктова, поэта, который резко порывает с пушкинскими традициями точности и простоты выражений. Книжка стихов Бенедиктова вышла в 1835 г., и через полгода появилось уже второе издание — факт, совершенно дотоле небывалый в истории русской поэзии.

Погоня за эффектами, желание поразить читателя хлесткостью отдельных стихов при неряшливости слога вообще — вот что такое была «бенедиктовщина».

Белинский, ополчившийся на Бенедиктова, при всей своей критической проницательности, невольно тяготел к поэтам, близким к нему по настроению. Вот почему он преувеличивал значение поэтов своего поколения — Ключникова и Красова (Панаев свидетельствует, что одно время великий критик готов был ставить Ключникова выше Пушкина по содержанию его поэзии). Вот почему Белинский недооценил Боратынского, Языкова, Дельвига — трех крупнейших представителей пушкинской плеяды.

Пушкину и его друзьям, не сумевшим потрофить новым вкусам, остается удалиться от литературных торжищ в свои уединенные мастерские. Дарования помельче (Плетнев, Туманский, Катенин) совсем перестают выступать со стихами в печати; дарования могучие (Пушкин, Боратынский) смело идут вперед своей дорогой, дают произведения гораздо высшего значения, чем раньше, а в ответ все чаще встречают равнодушие публики, непонимание и намеки, что они давно будто бы исписались.

Но пока жив был Пушкин, положение плеяды было еще не так плохо: даже те, кто находили его устаревшим, начавшим исписываться и т. д., не могли отрицать в нем первоклассного дарования. А своим авторитетом Пушкин поддерживал и остальных; истинная беда началась с его смертью. Вскоре самым крупным представителям пушкинской плеяды: Боратынскому и Языкову, которых раньше за более слабые произведения превозносили, — пришлось вынести глумление критики. Оба умерли в следующее десятилетие за Пушкиным.

V.

Тяжелее всего пришлось тем, кому судьба послала долгую жизнь. Плетнев (умер 1865 г.), кн. Вяземский (1878 г.), Подолинский (1886 г.) задолго до своей смерти были забыты, заживо погребены как поэты. Все они испытали мучительный разлад с новыми поколениями. Все болезненно пережили эпоху пренебрежения к Пушкину. Где уж тут о собственной славе тужить! Все они казались живыми анахронизмами, все чувствовали сами себя неловко в новых условиях общественной жизни, но все свято берегли пушкинские традиции, не всегда, впрочем, правильно их понимая.

Если критика 30—40-х годов, в лице Белинского, из всех поэтов предыдущего десятилетия сохранила одного Пушкина, да и то с оговоркой, что это был только великий художник, а потому новым общественным запросам удовлетворить не в состоянии: пушкинское спокойствие, самообладание художника ошибочно принято было за общественный индифферентизм, — то критика 60-х годов только сделала дальнейшие выводы из этих взглядов: сейчас не время заниматься художествами, если Пушкин только художник, то он никому и не нужен и даже вреден, как все отвлекающее от более насущных задач. Гонение на искусство особенно резко выразилось в гонении на стихи. Были развенчаны многие, кого еще ценил и признавал Белинский.

Вслед за Писаревым, старавшимся свести на нет Пушкина и доказать бессодержательность его поэзии, другой критик, подголосок Писарева, Варфоломей Зайцев, провозгласил, что Лермонтов — юнкерский поэт, не больше. Каролина Павлова, выпустившая в 1863 году сборник своих стихотворений, вызвала пренебрежительное определение: «мотыльковая поэзия». Неблагодарно встречено было и второе издание сочинений когда-то шумевшего Подолинского. Вяземский одно время подвергся травле сатирических журналов, а потом он встретил «заговор молчания». Все остальные поэты пушкинской и лермонтовской эпохи обречены были на забвение.

В течение двадцатилетия — 60—70-е годы — Пушкин переиздан был только один раз, Боратынский — тоже один, Дельвиг, Языков — ни разу.

Появились новые любимцы. Правда, их было немного. Полновластно царил Некрасов, выдержавший до конца 70-х годов 7 изданий. 3 издания в течение семи лет выдержал Суриков, да бойко расходились поэты-юмористы и сатирики, наприм., ловкий рифмач Минаев. В противоположность заветам Пушкина, в поэзии всего меньше ценили поэзию. Стихи Некрасова одобряли, напр., таким образом: «как хорошо: совсем почти как проза!»

С 80-х годов началось возвращение к Пушкину. Поворотным пунктом является открытие памятника великому поэту в Москве в 1880 г., сопровождавшееся шумным признанием великого значения Пушкина. Но других еще не сразу вспомнили. На поэтов двадцатых годов продолжали смотреть с точки зрения поколения 30—40-х годов, т. е. пренебрежительно. Был еще жив Подолинский, «сей остальной из стаи славных». Но когда он попробовал, увидав, что стихи опять начинают ценить, послать свои произведения в журналы, их нигде не приняли, и они нашли себе место, как нечто археологическое, только в «Русской Старине».

Почти целое десятилетие прошло, а других современников Пушкина все еще не восстанавливали в их поэтических правах... Правда, начал переиздаваться Боратынский, но взгляды на него мало ушли вперед сравнительно с отзывами Белинского, назвавшего его как-то «паркетным поэтом», и Чернышевского, который заявлял, что «Боратынского губит отсутствие мысли».

В связи с выделением одного Пушкина, получалась странная и нелепая картина. Пушкин возносился одинокой скалой на равнине. В действительности, в литературе этого никогда не бывает: всякий великий поэт — один из стаи славных, но более сильный и потому обогнавший свою стаю. Гений Пушкина вырос в атмосфере такого увлечения поэзией, какого мы потом уже не видали, и вместе с ним в той же атмосфере вырос ряд других дарований. Если их всех расположить по степени поэтического таланта, получатся не горные вершины на плоскости, а постепенная лестница, где больших скачков не будет. Это постепенно стало проникать в сознание.

VI.

В конце 80-х годов вновь открыт и оценен был Боратынский. С. Андреевский пересмотрел отзыв Белинского о поэте и нашел этот отзыв слишком придирчивым и несправедливым по существу. Вместе с тем, Андреевский вспоминает оценку, данную Боратынскому Пушкиным: «Он — один из первостепенных наших поэтов... Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского». Далее Андреевский пытается доказать, что для нашего времени (статья написана в 1888 г.) поэзия Боратынского, как поэзия охлажденного ума, гораздо ближе не только Жуковского, но и Лермонтова.

«Боратынский должен быть признан отцом современного пессимизма в русской поэзии, хотя дети его ничему у него не учились, потому что едва ли заглядывали в